

18+

ЛЮБВИ
ИСТОРИЯ ~~НЕНАВИСТИ~~

ДЖЕННИФЕР ЛИНН БАРНС

Young Adult. Разгадай меня, если сможешь

Дженнифер Линн Барнс

Слева Направо и Справа Налево

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Барнс Д.

Слева Направо и Справа Налево / Д. Барнс — «Эксмо»,
2025 — (Young Adult. Разгадай меня, если сможешь)

ISBN 978-5-04-250540-9

Спин-офф в серии «Игры наследников». Самостоятельная история про Анну и Тоби. Уникальная книга, которую можно читать с конца. Две истории — две разные точки зрения. Мировой бестселлер! Более 6 млн проданных экземпляров! Топ-10 бестселлеров The New York Times и USA Today. Вы влюбились в братьев Хоторнов? Теперь пришло время узнать о судьбе потерянного наследника. Прочитайте историю с точки зрения Анны, а затем переверните книгу, чтобы посмотреть на события глазами Тоби. Анна умеет быть незаметной. До сих пор ей удавалось не принимать участия в делах своей печально известной криминальной семьи. Анна мечтает окончить медицинский колледж и ждет, когда ее любимой младшей сестре исполнится восемнадцать, чтобы вместе уехать и начать новую жизнь. Тобиас Хоторн ведет себя как настоящий наследник. Будучи единственным сыном одного из самых богатых людей страны, для него нет ничего невозможного. Их судьбы пересекутся одной трагической ночью. Тоби чудом остается в живых, но теряет память. Анне придется его спасти. Человека, который отнял у нее самое дорогое. Он — тот, кого она ненавидит больше всего на свете. Она — единственное, что он помнит. История Анны уже частично выходила в сборнике «Игры. Нерассказанное». Идеально подойдет для поклонников оригинальной серии «Игры наследников», фильма «Достать ножи», сериала «Дом ключей», а также творчества Карен М. Макманус и Морин Джонсон. ★★★★★ «Фанаты серии «Игры наследников» будут в восторге от этого спин-оффа, в котором будут как уже знакомые персонажи, так и новые герои. Закрученный сюжет и неожиданные повороты — это невероятно увлекательное чтение». — The Washington Post Об авторе Дженнифер Линн Барнс — автор бестселлеров New York Times: двадцати романов, в числе которых «Игры наследников» и серия «Прирожденные». Получила докторскую степень в Йельском университете в 2012 году, а в настоящее

время преподает психологию и художественное письмо в Университете Оклахомы. Обладательница стипендии Фулбрайта, в своей научной деятельности специализируется на психологии, психиатрии и когнитивных науках.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-250540-9

© Барнс Д., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Анна	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дженнифер Линн Барнс

Слева Направо и Справа Налево

Jennifer Lynn Barnes

The Same Backward as Forward

Copyright © 2025 by Jennifer Lynn Barnes

This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd. and Synopsis Literary Agency

© Прокопьева Е., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

*Посвящается всем читателям, которые полюбили Анну и Тоби
с того момента, когда их история еще была лишь стопкой почтовых
открыток*

Анна

Глава 1

Это настоящее искусство – быть невидимкой. В этом городке, да еще и с моей фамилией, приходилось прилагать немало усилий, чтобы быть никем, чтобы люди смотрели сквозь меня. Я старалась не привлекать к себе внимания. Никогда не красилась. Волосы отращивала ровно

настолько, чтобы их можно было собрать в невзрачный хвостик или, распустив, спрятать за ними свое лицо. Но чтобы овладеть этим искусством, мало было просто вести себя тихо и незаметно. Мне приходилось держаться от остального мира на почтительном расстоянии – это было самым важным.

Я была сама по себе – но при этом не одинокой. Одиночество делает нас уязвимыми, а будучи Руни я прекрасно понимала, к чему это могло привести. Любая слабость – это что кровь для акул. В свои двадцать я выживала лишь потому, что не высовывалась и всегда была настороже. Я ушла из дома и из семьи – во всех смыслах.

Но было одно-единственное исключение.

– Кэйли, – не повышая голоса, я окликнула сестру, которая увлеченно вытанцовывала на бильярдном столе. Она вряд ли услышала бы меня сквозь монотонный гул голосов местных выпивох, задавшихся целью напиться еще больше, но мы с Кэйли умели чувствовать друг друга каким-то шестым чувством.

– Анна! – Моя сестра не прекратила танцевать, но была рада видеть меня точно так же, как когда ей было три, а мне шесть и она обожала меня больше всех на свете. – Давай, красотка, потанцуй со мной!

Кэйли была неисправимой оптимисткой. Например, она какого-то черта решила, что я взберусь к ней на бильярдный стол. Именно этот излишний оптимизм и стал причиной того, почему у нее уже имелась судимость. И почему я не могла защитить ее, хотя сама умело пряталась от мира. Кэйли была рождена для того, чтобы танцевать на столах и в полный голос выражать свою радость, а порой и злость. Ее бесстрашие часто было на руку нашей матери и служило ее интересам.

– Как-нибудь в другой раз, – ответила я сестре.

– Ну как хочешь, куколка! – Кэйли кружилась в танце, изящно лавируя между раскиданных по столу бильярдных шаров. Рядом стояли трое парней с киями в руках, но они, похоже, ничуть не возражали, что их игру прервали.

Классические рубашки. Дорогие туфли. Внешность учеников частной школы. Троица явно была не из местных. А значит, в этом баре их могли ждать только неприятности.

– Чур, я первая добежу до дома! – Я попыталась увлечь Кэйли, чтобы только та слезла на пол. Она обожала соревноваться.

– Помнится мне, это больше не твой дом, Мисс Серьезность. – Кэйли зашагала по бортику бильярдного стола, раскинув руки в стороны. Ее длинные волосы струились по спине. Дойдя до края, она наклонилась и положила руку на плечо одного из парней, держащих кий.

– Моя сестра та еще штучка, хотя с виду и не скажешь, – театральным шепотом сообщила она ему.

Я быстрая. Я сильная. Я умная. У меня было много качеств, о которых Кэйли лучше было бы не трезвонить. К счастью, парень, к которому она обращалась – ему и самому было лет восемнадцать-девятнадцать, – не мог отвести взгляд от ее груди, обтянутой кожаным топом. Что же до его друзей, то второй наслаждался видом Кэйли сзади, а третий...

Третий лениво поднял на меня глаза.

И пусть их почти скрывали длинные темно-рыжие волосы, я не могла не заметить, как он принялся беззастенчиво рассматривать меня. Я прямо-таки ощущала на себе его взгляд, скользивший по моей линиям медицинской форме, светло-русые волосы, поджатым губам.

– Не могу не спросить, – произнес он тоном человека, который привык обращать любую фразу в мрачную шутку, – и что же ты за штучка, Анна?

Мои инстинкты, отточенные годами наблюдений за окружающими и попытками оставаться незамеченной ими, предупреждали о двух вещах: во-первых, он пьян, или под кайфом, или и то и другое, а во-вторых, даже в таком состоянии, от его внимания не ускользают даже сущие мелочи.

Я молчала, сохраняя непроницаемое выражение лица.

Темно-зеленые глаза, сверкая дьявольским блеском, смотрели прямо в мои.

– И я рад встрече, – бросил парень.

Мы не *встречались* и точно больше никогда не встретимся.

– Ты не местный, – отозвалась я. Это было предупреждение. Но он его проигнорировал.

Парень взял мелок и стал прокручивать его между пальцев, а затем насмешливо спросил:

– Что же меня выдало?

Вопрос был риторический, но я машинально ответила про себя: «У тебя слишком ровный загар. На руках ни одной мозоли. И на тебе классическая рубашка». Три верхние пуговицы были расстегнуты, воротничок выглядел помятым. Ухмыляясь, парень небрежно прислонился к бильярдному столу с видом полубога, которого просто забавляем мы, простые смертные. Движения его были неторопливыми и расслабленными, в нем не чувствовалось ни капли напряжения. Он живо представился мне древним правителем, развалившимся на носилках, которые тащат рабы.

Или солдаты. Что-то подсказывало мне, что он из тех, кто только и ищет повода для драки. Что ж, в этом баре у него были все шансы нарваться на нее.

Но это не моя проблема.

– Кэйли, – для всех окружающих мой голос прозвучал как и прежде, но сестра тут же уловила перемену. У нас двоих была особенная связь. Она спрыгнула со стола и направилась в мою сторону, но замедлила шаг, поравнявшись с парнем, который сверлил меня взглядом.

– Может, еще увидимся, – сказала Кэйли с лукавой улыбкой.

– Не увидите, – мои слова были адресованы залетному парню.

– Нет? – Глядя на меня, он опустил свой стакан с виски на бильярдный стол так, что тот опасно навис над самым краем, словно бросая вызов силе тяжести.

Но так и остался стоять на месте.

– А с тобой, девочка-палиндром? – Волосы по-прежнему падали ему на лицо, отбрасывая тень на острые скулы. – *А-Н-Н-А.* С *тобой* мы еще увидимся? А что, повеселимся немного? Зажжем? – тут он приложил руку к сердцу и понизил голос: – Но если твое имя пишется с «*Н*»¹ в начале, но без «*h*» на конце, не хочу этого знать.

Мое имя писалось с «*Н*» в начале и «*h*» в конце, и я должна была быть невидимкой. Абсолютно точно, что мы с ним никогда больше не встретимся. И не «зажжем».

Он вообще не должен был меня *увидеть*.

Четверть часа спустя Кэйли шла вдоль каменистого берега с той же легкостью, с какой недавно дефилировала по краю бильярдного стола – словно всю жизнь ходила по канату. Ее лицо было поднято к ночному небу, и она даже не смотрела, куда ступает. Я следовала за ней. Моя сестра всегда излучала какую-то необъяснимую энергию, которая так и кипела в ней.

– Ты украла их кошельки? – спросила я, уже зная ответ.

Кэйли оглянулась на меня и улыбнулась.

– Только один.

Чей именно и так было понятно. Она специально замедлила шаг, проходя мимо него, своей полной противоположности: его тьма и ее свет; острые, словно высеченные из камня скулы и полные, дразнящие губы.

– Хочешь знать, как его зовут? – Кэйли помахала зажатым между пальцами бумажником, улыбаясь еще шире, и на ее щеках выступили ямочки.

– Нет, – тут же ответила я.

¹ На английском *Hannah* и *Hanna*, соответственно. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

– Врунишка! – Кэйли снова улынулась, озорно, но я по опыту знала, что этой улыбке нельзя доверять.

– Тебе следует быть осторожнее, – тихо сказала я ей. – У тебя уже есть судимость.

Ей нужно было еще год не нарываться на проблемы с законом. Всего год. Я собиралась окончить медицинский колледж и забрать ее с собой. Кэйли уже исполнится восемнадцать, и мы сможем убраться как можно дальше отсюда, туда, где никто не слышал ни про Роквэй-Вотч, ни про семью Руни.

До тех пор ей просто нужно было держаться подальше от неприятностей.

– Анна, ну серьезно! Не мне нужно быть осторожнее! Это у тебя *нет* проблем с полицией! – Кэйли, сделав пируэт, развернулась ко мне. Ее васильковые глаза, густо подведенные черным карандашом, блестели в лунном свете. На губах темнела помада, которая, как ни странно, до сих пор не смазалась. – Тебе лучше уйти, пока мы не подошли к дому и тебя не увидели. С глаз долой – из сердца вон.

Кэйли всегда была единственной щелью в моей броне. Сегодня я поддалась порыву и решила провести ее, но мы обе знали, что рядом с ней я никогда не останусь незамеченной.

– Будь осторожна, Кэйли, – повторила я, но в этот раз имела в виду не кражи кошельков и танцы на бильярдных столах, а все остальное. Семейный бизнес.

Моя сестренка-оптимистка закатила глаза и снова подняла лицо к небу – храбрая, дерзкая, непобедимая. Может, стоило оставить ее в баре? Пусть бы танцевала беззаботно, притягивая к себе очередные неприятности. Но даже если бы Кэйли провела эту ночь, не влипнув ни в какую историю, если бы даже она вернулась домой в целости и сохранности, переполненная адреналином, о ее ночной прогулке все равно бы узнали. Так было всегда.

А сумасбродство и свободолюбие Кэйли не всегда служили интересам моей матери – интересам семьи Руни – и прощались ей.

Глава 2

Если честно, квартирка у меня была крошечная. С кровати можно было дотянуться до кухонного гарнитура, три ветхих шкафчика которого были забиты книгами, а не утварью. Обычно перед сном я читала, укутываясь в выдуманные миры, как в одеяла. Но сегодня вернулась старая привычка. Я выдернула чистый лист из учебной тетради и начала складывать его, согнув вниз правый верхний уголок.

Это началось еще в детстве. Стоило мне уткнуться в книгу, как я тут же становилась мишенью. Приходилось изобретать другие ухищрения оказаться *где-то еще*, придумывать способы мечтать наяву, не теряя связи с реальностью. Я постоянно носила в карманах клочки бумаги, чтобы сосредоточиться и чем-нибудь занять руки.

Даже сейчас, в квартире, где я жила последние два с половиной года, привычные движения успокаивали. Я снова и снова складывала лист бумаги разными способами. В этот раз у меня получилась странная, неровная фигурка.

Я выбросила ее и пошла спать.

Глубокой ночью чей-то голос выдернул меня из сна, словно ледяной водой окатили.

– Вставай.

Голос был хриплым. *Это не сон*. Я не помнила, как открыла глаза, но в них вдруг ударил свет из кухни. Надо мной стояла моя мать, и она была не одна.

– Поднимайся! – ее голос стал жестче.

Иден Руни не привыкла просить дважды, так что я восприняла это как приказ и выскользнула из кровати. Стараясь держаться на расстоянии, я посмотрела на человека, стоявшего в тени рядом с матерью.

Это был мой кузен Рори, он хмурился... и был весь в крови.

– Подлатай его. – Моя мать никогда не утруждала себя просьбами, предпочитая приказы.

Я осматривала Рори, а сама думала лишь о том, что прошло уже два с половиной года с моего отъезда. Я не спрашивала у матери разрешения уйти. Она не стала возвращать меня. *Позволила* мне жить своей жизнью, и вот...

«Подлатай его». Я старалась дышать ровно и сохранять бесстрастное лицо. Самой худшей из ран Рори – из тех, что я увидела, – был глубокий порез длиной сантиметров пять. Обычно люди, работавшие на мою мать, даже внимания не обращали на такого рода повреждения. Как-то раз я стала свидетельницей того, как мой дядя *ложкой* вытаскивал пулю из плеча какого-то парня.

Это определенно была проверка.

Я *училась* на медсестру, но с головой ушла в стажировку почти с самого начала учебы, стараясь брать как можно больше часов в клинике. Я вполне могла справиться с тем, что хотела от меня моя мать, но речь шла не о моих *способностях*. Это была проверка на то, откажусь ли я. Но, сказав ей «нет», я сразу же перестала бы быть невидимой для Иден Руни – для всей семьи Руни.

– Инструменты? – мой голос прозвучал глухо, бесстрастно. Я умела делаться незаметной, даже когда она смотрела прямо на меня. *Не выказывать слабости. Неповиновения. Каких-либо эмоций*.

Мать молча бросила на мою кровать черный сверток. Я развернула его. Внутри лежал самый простой набор – ножницы, скальпель, пинцет, игла и хирургическая нить.

– Полагаю, ты знаешь, как с этим обращаться, Анна.

Я услышала то, что она не сказала вслух: «Я отпустила тебя только потому, что мне так было удобно, но ты по-прежнему принадлежишь мне, телом и душой. И так будет всегда».

– Здесь нет анестетика.

– Ему он не нужен, – суровый взгляд матери переместился с меня на Рори. – Как и мне не нужно было, чтобы из всех ночей именно сегодня этот маленький засранец ввязался в драку в баре.

Драка в баре. Мне тут же вспомнился парень с мрачной ухмылкой, зелеными глазами и острыми скулами, на которые падали тени, и стакан, специально поставленный им на самый край бильярдного стола.

– Мне надо помыть руки. – Я дала себе передышку, направившись к кухонной раковине, – небольшую, но этого хватило, чтобы понять, что моя мать явилась сюда не только затем, чтобы преподать *мне* урок. Она использовала меня, чтобы наказать Рори.

Кузен был на пять лет старше и килограммов на пятьдесят тяжелее, но ему придется сидеть смирно, пока я буду зашивать его лицо без анестезии, потому что альтернатива намного страшнее.

Я закрыла кран и пошла обратно. Делать этого совсем не хотелось. Если кто-нибудь узнает, меня выгонят из колледжа. А еще – и это, возможно, даже хуже – я буду замешана в делах семьи, из-за которых *сегодняшняя* драка Рори так разозлила мою мать.

Но если я этого не сделаю, Рори придется иметь дело с ней. У моего кузена был такой вид, будто он хотел плюнуть на меня, а потом блевануть, именно в таком порядке.

– Сядь, – сказала я ему.

Мне оставалось лишь надеяться, что если я смогу выполнить приказ матери, не колеблясь, не выказывая ни намека на слабость или бунтарство, то мать успокоится и снова забудет обо мне – если не *насовсем*, то хотя бы на некоторое время.

И этого хватит на то, чтобы окончить колледж. Чтобы найти способ увезти отсюда Кэйли.

Рори сел. Я подняла его подбородок, а потом пошла в ванную взять антисептик и заодно выиграть себе еще несколько минут. Обработав рану, я открыла упаковки с иглой и нитью. Хотя бы они были стерильными.

– Пошевеливайся, – мать шагнула в мою сторону.

«Давай же!» – подбодрила я себя, но начать было не так-то просто, потому что Рори изо всех сил старался *не* дергаться. Подняв иглу, я не стала просить его расслабиться, а решила отвлечь разговором.

– Кто это был? – спросила я.

– А? – Рори был далеко не самым умным из моих кузенов.

– Сегодня в бар забрели трое богатых парней, – объяснила я. – Кто из них так тебя?

Он сосредоточился на вопросе, и я, наконец, смогла начать.

Игла была просто иглой. Кожа – просто кожей. Моя рука двигалась уверенно.

– Неважно, – Рори едва мог шевелить губами. – Ублюдки. Я убью всех троих.

В моей семье такие слова на ветер не бросали.

– Анна, остановись, – голос матери прорезал воздух, словно пуля. У меня в голове крутилась лишь главная заповедь: «Не навреди». Сделав последний стежок, я остановилась.

Моя мать наклонилась, чтобы посмотреть Рори прямо в глаза, и прижала большой палец к его щеке, прямо под швом.

– Ты ведь понятия не имеешь о том, кто эти парни? – Когда Рори не ответил, мать усмехнулась: – Так и знала.

Надавив на его щеку сильнее, она подняла взгляд на меня.

– Посмотрим, как справится Анна. Мажоры в Роквэй-Вотч. Нарываются в баре и хотят нанять лодку на утро. Кто они?

Мой последний стежок на щеке Рори лопнул.

Я заставила себя сосредоточиться. *Лодка.* Из Роквэй-Вотч на ней можно было добраться только до одного места – частного острова, принадлежащего одному миллиардеру. *Острова Хоторнов.*

– Хоторны, – ответила я на вопрос матери.

– Ну, хоть у *нее* есть мозги! – Моя мать снова перевела взгляд на Рори. – Хоторн и два его дружка. И этот самый Хоторн – не кто иной, как Тобиас Хоторн Второй, единственный сын одного из богатейших людей страны. И даже если этот сукин сын будет умолять о смерти, мы не станем исполнять его желание. *Тебе все ясно, Рори?*

– Да, – процедил тот сквозь зубы.

Мать опустила руку и сухо бросила в мою сторону:

– Переделай последний стежок.

К горлу подступила тошнота, но нужно было закончить работу. Чтобы отвлечься, я погрузилась в размышления. *Тобиас Хоторн Второй. Тоби.* Перед глазами тут же возник парень с темно-рыжими волосами и небрежными движениями императора, развалившегося на носилках. Без сомнения, он и был этим самым Хоторном, и именно этого самоуверенного козла, жаждущего одних неприятностей, я и должна была благодарить за сегодняшнюю ночь.

Я закончила последний стежок. Мать тут же пошла к двери, Рори послушно двинулся за ней, как верный пес. Выходя, она остановилась и оглянулась на меня.

– У тебя твердая рука.

Это был не комплимент. Это было обещание. Она еще вернется.

Глава 3

Мне так и не удалось уснуть, и на рассвете я вышла из дома. Сегодня у меня был выходной, но после ночного визита матери хотелось проветриться и нужно было *чем-нибудь* себя занять, поэтому я отправилась сначала в магазин, а потом за пределы окраины, где располагалась моя квартира. Я не могла позволить себе аренду жилья в других городках ближе к колледжу или больнице, кроме как в Роквэй-Вотч, и предпочла жить на отшибе. Дальше был лишь заброшенный маяк и заросшая безлюдная местность, куда никто в здравом уме никогда бы не сунулся.

Однако кое-кто там все-таки жил.

К жилищу Джексона лучше было не подходить, поэтому я оставила купленные продукты на ступеньках маяка, построенного в далеком восемнадцатом веке и уже давно не действующего. Синяя краска на крыше выцвела. Соленая вода и штормовые ветра медленно разрушали его стены, когда-то выбеленные, но сейчас потемневшие от времени. Вокруг все заросло густой травой и кустарником.

Но это было моим самым любимым местом в Роквэй-Вотч.

Для меня маяки всегда были чем-то мистическим и опасным, эдакой границей между нашим миром и потусторонним. Дорога к этому конкретному маяку была непростой, и все же каждые две недели я поднималась к нему, нагруженная продуктами.

– Вот пристрелю тебя, будешь знать!

Я повернулась на голос к хмурому рыбаку с густой бородой и невозмутимо ответила:

– Пожалуйста, не надо.

Джексон Карри не был затворником. Он покидал свой дом и выходил на лодке в море, общался с местными, когда это было необходимо, чтобы продать улов. Но людей он ненавидел – всех, в том числе и меня.

Мужчина бросил сердитый взгляд на пакеты, оставленные на ступеньках.

– Сколько раз говорил тебе не делать этого!

– Как ваш артрит? – спросила я. На вид ему было не больше сорока пяти, но из-за многолетнего рыбацкого труда его руки были изувечены болезнью.

– Не твое собачье дело.

– Значит, все так же. – Я подошла и взяла его правую руку в свою, осторожно потрогала суставы пальцев, аккуратно согнула запястье и пощупала его. – Принести еще мазь?

Ответ так и читался у него на лице: «Не лезь ко мне».

Я проверила вторую его руку, ожидая, что рыбак, окончательно разозлившись, уйдет прочь – с пакетами продуктов, – но он остался стоять на месте, не ругая меня и не угрожая пристрелить.

– Шторм надвигается, – Джексон повернулся к Тихому океану. Ясное небо отражалось в простиравшейся вдаль сине-зеленой водной зыби. – Сильный шторм.

И пусть пока ничего не указывало на это, я ни капли не сомневалась в его словах.

– Раз будет шторм, вы сегодня устройте себе выходной? Или все-таки собираетесь выйти в море, но вернетесь еще до первой тучи?

Джексон усмехнулся. Он был из тех, кто поборолся бы с молнией на руках, будь это возможно. Рыбак снова повернулся ко мне, и в этот раз цепкий взгляд его карих глаз задержался на моем лице.

– Что с тобой сегодня? – спросил он.

Я всего лишь приносила Джексону Карри продукты, по-прежнему отгораживаясь от внешнего мира. Он же ненавидел всех, в том числе и меня, поэтому его вопрос, хоть и заданный грубым тоном, меня ошарашил.

– Ничего.

Мне хотелось верить, что если я не буду думать о том, что случилось ночью, то, возможно, смогу притвориться, будто ничего и не было – хотя бы на несколько часов.

Джексон коротко кивнул и заключил:

– Не мое собачье дело.

Спустя несколько часов я входила в больницу, которая находилась через два городка от Роквэй-Вотч, хотя и обещала себе не делать этого в выходной. Будь у меня диплом, мне удалось бы взять себе смену, но пока его у меня не было, и пришлось пойти в кафетерий.

В больницах легко исчезнуть – там у каждого свои заботы.

Наступал вечер, но небо за окном не просто потемнело, а стало черным. Дождь еще не начался, но ветер бушевал вовсю. Больница стояла далеко от побережья, но я мысленно представила темные штормовые волны.

Конечно же, Джексон уже был дома, а не рыбачил в море. *Иначе и быть не могло.*

Я встала и взяла свой поднос. Мой взгляд по-прежнему был прикован к окну, когда вдалеке снова ударила молния и в небо взмыл огромный огненный шар.

Взрыв? Что бы это ни было, оно произошло в районе Роквэй-Вотч. Я сорвалась с места и побежала, мое сердце бешено заколотилось в такт шагам. Добравшись до своего старенького автомобиля за рекордное время, я понеслась в свой родной городок, к океану. Вдали на воде бушевал пожар, высокое пламя полыхало в темноте, словно факел.

Горел *остров Хоторнов*.

Глава 4

Джексон появился на пороге моего дома спустя часа полтора, вымокший насквозь.

– Анна, – заговорил он, стоило мне распахнуть дверь.

Раньше он никогда не называл меня по имени, никогда не просил ни о чем – Джексон никогда *никого* ни о чем не просил, насколько мне было известно.

– Ты должна пойти со мной, – его хриплый голос звучал странно, но объясняться он явно был не намерен.

Я не стала задавать вопросы.

Только на полпути к маяку Джексон заговорил снова.

– У меня должно найтись все, что тебе понадобится, – бросил он сквозь зубы.

Я едва поспевала за ним.

– Для чего понадобится?

– Парень едва дышит, – Джексон ускорил шаг и говорил сбивчиво. – Получил травму головы. Обгорел. И чуть не утонул.

Обгорел. Чуть не утонул. Мальчишка. Слова слетели с языка прежде, чем мой мозг успел выстроить логическую цепочку.

– Он с острова Хоторнов?

– Взрывом его скинуло со скалы, – буркнул Джексон. – Я вытащил его из воды.

Один из чужаков. И снова мне вспомнился парень с дьявольским блеском в зеленых глазах. Его голос, предлагающий повеселиться и *зажечь*.

– Черт, это чудо, что парень остался в живых. Там у острова много рыбы, особенно в грозу, так что я был рядом. Особняк взлетел на воздух, как только ударила молния, но что-то подсказывает мне, что не в молнии было дело.

– О чем это вы? – Я остановилась как вкопанная. – Джексон, когда вы находите смертельно раненного человека, его нужно срочно везти в больницу!

И почему я до сих пор не купила себе мобильник? Думала, что это пустая трата денег, и вот...

– Нам нужно вернуться и позвонить девять-один-один!

– Нельзя! – отрезал Джексон.

– Почему, черт возьми? – рассердилась я, и, пожалуй, впервые в моем голосе не было ни спокойствия, ни мягкости, ни понимания.

Джексон схватил меня за руку и потянул вперед.

– Потому что с тех пор, как я вытащил его, он говорит, а вернее, кричит лишь одно слово: «Керосин».

Керосин. Зажжем. Не в молнии дело. Мысли захлестнули меня, как штормовые волны.

– Парней было трое. Они приехали сюда втроем. Остальные...

– Нет больше никаких остальных, – голос Джексона надломился, словно лед на озере, по которому ударили молотом. – Погибли все, кроме него.

Кто он? Я не стала спрашивать. Да и что бы это изменило?

– Нам нужно вернуться в город. Мы должны позвонить...

– Четверо. – Джексон остановился. Я смотрела на него, ничего не понимая. – Я видел утром, как лодка везла на остров четырех пассажиров, – тихо проговорил он. – Их было не трое, Анна. А четверо.

И внезапно я все *поняла*. Поняла, почему дрогнул голос Джексона. Почему он то и дело называл меня по имени. И кем был четвертый пассажир в лодке, направлявшейся к острову Хоторнов.

«Может, еще увидимся», – так сказала моя сестра одному из парней в баре.

– Кэйли, – прошептала я.

Джексон Карри хоть и жил в уединении, но он знал людей из нашего городка и, конечно, Руни – их знали все.

А Кэйли... она буквально *излучала свет*.

– *Нет!*

Джексон говорил так, словно никто больше не выжил, он даже не допускал, что все могло быть иначе. Но остров Хоторн был большим, и если она была где-то в другом месте, когда дом взорвался...

Я вырвала руку из хватки рыбака. Нужно было как можно скорее найти лодку и отправиться за сестрой.

– Береговая охрана уже тушит пожар, – сказал Джексон. – Скоро приедет и полиция, если еще не приехала. Послушай меня, Анна... это невозможно, – он закрыл глаза. – Четверо вошли в особняк. Вышел только один, перед самым взрывом.

Только один – и это была не она. Дышать стало больно, перед глазами поплыло.

Джексон схватил меня за обе руки, заставляя посмотреть на него.

– Ему очень больно, Анна. Он одной ногой в могиле. И если это по их вине погиб член семьи Руни...

В ушах у меня зазвенело. Какого черта Джексон Карри говорил о моей сестре так, будто она умерла?

Нет, только не Кэйли.

Только не моя Кэйли.

– Как думаешь, что случится, если я отвезу его в больницу? – продолжал Джексон. – Что произойдет, если мы вызовем скорую или полицию?

Я не хотела слушать эти вопросы. Не хотела думать над ответами на них. Я хотела лишь одного – доказать себе, что Джексон ошибался. Что Кэйли не поехала с теми парнями на остров Хоторнов. А если и поехала, то осталась жива. Что сейчас она *где-то* самозабвенно танцевала. Или была дома и спала, свернувшись калачиком под одеялом, как привыкла с детства. Или смеялась, или страдала от похмелья, или и то и другое.

Что с ней все в порядке.

Но мой мозг уже нашел ответы на вопросы Джексона, словно Кэйли действительно больше не было. *Что произойдет?*

В моей семье говорили – *кровь за кровь*. Мать наказала Рори держаться подальше от приезжих парней. Не в ее интересах было навлекать гнев миллионера на наш городок – это навредило бы семейному бизнесу. Но если Джексон был прав, если погиб член семьи Руни – если Кэйли не танцует, не спит, не смеется, если ее и правда *больше нет*, если Кэйли умерла, – то больше не существовало никаких правил и ограничений. Виновного не спасут ни больничные стены, ни местная полиция. Моя семья контролировала торговлю наркотиками и оружием вдоль всего побережья. *И копов* тоже.

Кровь за кровь.

Если моя сестра умерла, то и повинному в ее смерти жить оставалось совсем недолго.

Глава 5

Я пошла с Джексоном. Все мое существо протестовало – мне хотелось оставить умирать этого чудом выжившего парня в одиночестве, в муках. Плевать на него. И все же я продолжала думать о том, как пришлось зашивать Рори по приказу матери. Продолжала думать о заповеди «Не навреди».

Продолжала думать о Кэйли, хоть и старалась не делать этого.

Я шла за Джексоном, не задавая вопросов о том, кто же из троих выжил, гоня из головы эти мысли, но стоило мне пройти через металлическую дверь лачуги и увидеть распростертое на одеялах, кинутых прямо на дощатый пол, бесчувственно тело, как в глаза бросились его волосы.

Темно-рыжие.

Только теперь они не закрывали его лицо, а липли к бледной, почти синюшного оттенка коже. Я даже решила, что он умер, и машинально опустилась на колени рядом с ним. У меня не было необходимых знаний и умений. Я не была доктором, никогда не работала ни в ожоговом отделении, ни в реанимации. Я даже на медсестру еще не отучилась!

Но я была здесь, а он лежал на полу.

Я прижала пальцы к его сонной артерии и почувствовала учащенный пульс. Каждый удар его сердца словно бил по мне электрическим разрядом. Я поднесла руку к его губам и ощутила его дыхание, а потом наклонилась к его лицу и прислушалась.

Он дышал тяжело, но без хрипов.

Отодвинувшись, я надавила ему на подбородок, открывая ему рот. И тут же в моей свободной руке оказался фонарик.

Джексон.

– Что еще тебе понадобится? – пробурчал рыбак.

Доктор и медсестра – те, кто обладал бы необходимым опытом, – вот что. Но еще мне нужно было проверить дыхательные пути моего пациента. Они оказались чистыми.

Что дальше? Я стала осторожно ощупывать его голову на предмет травм, запустив пальцы в густые и спутанные влажные волосы. На затылке обнаружилась рана. Если у него было еще и внутреннее кровотечение, то мы в полном дерьме. Я отогнала от себя эту мысль и раздвинула его волосы, чтобы как следует осмотреть повреждение.

– Нужно промыть рану, – сказала я Джексону. – Мне понадобится что-нибудь, чем можно срезать ему волосы, а еще чистое полотенце, антисептик и пластырь-бабочка. Найдете?

Я убрала руки с головы парня и осмотрела тело.

– Ожоги второй степени на руках и ключицах.

Мне пришлось содрать с него то, что когда-то было рубашкой, оставив лишь те части, которые спеклись с кожей.

– Эти ожоги, *вот здесь*, на груди, тоже нужно промыть и перевязать, – я показала пальцем на раны, о которых говорила. – Они третьей степени, но меньше остальных. И хорошо, что они не на конечностях – здесь лучше кровообращение, и следовательно, меньше риск заражения.

Я судорожно вздохнула и снова задумалась над вопросом Джексона. *Что еще могло мне понадобиться?*

– Марля, чистые тряпки, холодная вода. И все обезболивающие – любые, которые сможете найти, – в моих мыслях царил полный хаос. Что еще? – Если бы мы были в больнице, я начала бы с того, что поставила бы ему капельницу. Первым делом физраствор, потом антибиотик.

Джексон молча вышел из лачуги, и я осталась наедине с лежащим без сознания Тобиасом Хоторном.

«А-Н-Н-А, – раздался в ушах его голос, произносящий мое имя по буквам. – Но если твое имя пишется с „Н“ в начале, но без „h“ на конце, не хочу этого знать».

Было куда проще, когда я воспринимала тело на полу как обычного пациента со множеством ран, потому что стоило мне вспомнить нашу с ним встречу в баре, как перед глазами встала Кэйли с широкой улыбкой.

«Давай, красотка, потанцуй со мной!»

Я отказалась. Не стала танцевать с ней. Не проводила ее до самого дома. Не убедилась, что она не ушла обратно.

«Ну как хочешь, куколка!»

Дверь в лачугу с грохотом распахнулась, и Джексон бросил на пол выдававший виды чемодан.

– Что это? – в горле у меня встал ком.

– Я люблю быть готовым ко всему, – голос у Джексона по-прежнему звучал очень хрипло, и я невольно задумалась, насколько близко к пожару на острове Хоторнов он находился.

Надышался угарным газом? Но у меня в любом случае не было баллонов с кислородом – ни для него, ни для Тобиаса Хоторна.

Я заставила себя сосредоточиться на том, чем *действительно* могла помочь. Дрожащими руками я расстегнула молнию на чемодане, который принес Джексон. Внутри оказалась чуть ли не целая аптека. Я сразу же заметила мазь от артрита, которую покупала ему, но это была лишь верхушка айсберга или, вернее, хаотичного нагромождения из лекарств и медицинских изделий. В других обстоятельствах я бы решила, что у Джексона паранойя и он сбрендил, но, как говорят, раз в год и палка стреляет.

Я начала копаться в этой беспорядочной куче, вытаскивая то, что могло пригодиться. *Стерильные марлевые салфетки трех размеров. Жгуты. Болеутоляющие, продающиеся без рецепта, – парацетамол и ибупрофен. Бинты. Йодные салфетки. Спиртовые салфетки...*

– Раствор хлорида натрия! – я так удивилась, что произнесла это вслух и подняла недоумевающий взгляд на Джексона. Зачем отшельнику несколько пластиковых мешков с раствором натрия хлорида, да еще и с трубками? – А если я тут еще покопаюсь, то найду и катетеры?

– Я же сказал, – пробурчал Джексон, – что люблю быть готовым ко всему.

На самом деле его лачуга больше напоминала *бункер*, так стоило ли мне удивляться?

– И вы знаете, как со всем этим обращаться? – недоверчиво поинтересовалась я.

– Знал бы, стал бы тебя звать? – Джексон всплеснул руками.

И именно в эту секунду парень на полу судорожно вздохнул. И застонал.

– Вы уже давали ему какое-нибудь обезболивающее? – спросила я у Джексона.

– Уж извини, был слишком занят, спасая ему жизнь.

Я взяла пузырек с таблетками и решила было усадить своего пациента, но из-за ожогов передумала, не захотев рисковать, и, подсунув ему под голову ладонь, осторожно приподняла ее.

– Сейчас я открою тебе рот, – сказала я Тоби Хоторну, не имея ни малейшего представления о том, слышит ли он меня, и *хотелось* ли мне, чтобы он меня слышал. – Буду давать таблетки по одной. – Я подняла глаза на Джексона: – Принесите воды.

До тех пор, пока у меня не получится достать морфин, оставалось лишь чередовать большие дозы имеющихся болеутоляющих.

Я положила первую таблетку на язык Тоби и ощутила на руке его теплое дыхание. Затем поднесла воду к его губам, осторожно влила ее и закрыла ему рот, чтобы он смог проглотить.

И тут вдруг его глаза открылись. Темно-зеленые, в то мгновение они показались мне почти черными. Тоби смотрел прямо на меня. Я ожидала, что он начнет стонать, извиваться, кричать, но он лежал спокойно и молча проглотил таблетку.

Я положила ему в рот вторую таблетку, думая при этом лишь о том, что его лицо совсем не пострадало от огня.

Глава 6

Тоби Хоторн снова потерял сознание. Я перевязала его ожоги, состригла прядь волос у него на затылке, перевязала рану и поставила капельницу.

«Нам понадобится больше медикаментов». Я не сказала этого вслух, Джексону, в большей степени потому, что пообещала себе, что не будет никаких «мы». Я сделала все, что смогла. Я *не навредила*. Чего нельзя было сказать о моем пациенте.

Керосин.

Я поднялась с пола и медленно пошла к выходу из хижины. Но стоило мне открыть дверь, как за спиной раздался голос Джексона:

– Ты вернешься?

Не оборачиваясь, я ответила ему спокойным, ровным голосом, хотя это совершенно не соответствовало тому, что я чувствовала:

– Когда пакет с раствором закончится, поставьте второй. Почаще меняйте ему повязки – но вода должна быть прохладной, а не холодной. И будет здорово, если сможете достать какие-нибудь средства от ожогов, например мазь с серебром.

Другими словами: «Нет, я не вернусь».

Но в то же время уходить отсюда мне не хотелось, потому что тогда я сразу отправлюсь в город узнать, прав ли был Джексон, действительно ли Кэйли уехала на остров Хоторнов и там погибла.

Я не хотела знать правду, а это означало, что в глубине души я уже ее знала. Ведь мы с Кэйли умели чувствовать друг друга каким-то шестым чувством.

Возле дома моей матери не было ни одной машины. Пока я шла по подъездной дорожке, на стоящий вдоль забор из сетки-рабицы бросалась целая стая собак. Большинство из них были помесью питбулей с более крупными породами. Еще одна собака сидела на привязи у крыльца.

У этих собак не было кличек – их держали не в качестве домашних питомцев. Я приблизилась к дому, и собака у крыльца ринулась ко мне, натянув цепь и предупреждающе зарычав. Я присела, чтобы быть на одном уровне с ней, но вне досягаемости ее челюстей, и посмотрела ей прямо в глаза.

– Ты знаешь меня, – сказала я, хотя и не была в этом уверена.

Пес успокоился. Я всегда умела ладить с животными, но в этот раз мне даже не пришлось прятать страх. Как и любые другие эмоции. Я словно во сне прошла через крыльцо и взялась за ручку входной двери.

Она, как всегда, была не заперта.

Отец нашелся на кухне. В доме царила тишина. Он стоял над плитой, хотя на ней ничего не было.

– Она так и подумала, что ты придешь, когда услышишь, – сказал он, не оборачиваясь.

У отца был низкий голос, но все же не такой грубый, как у матери. Во мне все еще были живы детские воспоминания о том, как он пел, а она танцевала. Пусть у нас и была *семья*, но *семейный* бизнес был превыше всего остального.

Я не стала спрашивать, где моя мать и ее солдаты, лишь вдохнула, выдохнула и отозвалась на слова отца:

– О чем?

Мне хотелось, чтобы он сам все сказал, чтобы это оказалось неправдой.

Отец развернулся.

– Ты ведь знала, что твоя сестра спуталась с теми парнями! – с упреком бросил он мне, а потом влепил пощечину. Я совершенно этого не ожидала и только чудом устояла. – А ты знала, Анна, какие забавы у этих богатеньких сукиных сынов?

За всю мою жизнь он ни разу не ударил меня. Когда-то он был главным в семье, но мать со временем забрала всю власть себе, ясно дав понять, что от его мозгов больше прока, чем от силы. Уже тогда он знал слишком много, чтобы подвергать его жизнь опасности, и с тех пор его все чаще можно было застать дома.

Я коснулась рукой щеки. Но не чувствовала ни злости, ни боли. Часть меня была даже рада тому, что он сорвался. Это означало, что отцу не все равно. Что он тоже волновался о *Кэйли*.

– Я ничего не знала, – ответила я дрогнувшим голосом.

Отец вдруг притянул меня к себе и обнял. Я не могла вспомнить, чтобы он хоть раз когда-нибудь вот так крепко меня обнимал.

– Надо было самому получше за ней приглядывать, – сказал отец в мои волосы. – Эти парни всему городу про свои планы растрепали. И к тому же накупили горячего, – его голос стал жестче. – Захотелось им поиграть в поджигателей.

Поиграть в поджигателей. Я подумала о Тоби Хоторне, лежавшем на полу хижины Джексона. *Всего лишь игра.* Моя сестра умерла из-за того, что какому-то мажору захотелось *поиграть*.

– Ты уверен, что... – начала было я.

– Анна, – рука отца приподняла мой подбородок. – От нее остался лишь пепел, – он быстро заморгал, но сумел справиться с собой. – Твоя сестра умерла, но свалят все на нее. Вот увидишь.

– *Поджог*, – осенило меня. Одно из обвинений, по которому Кэйли признали виновной в суде по делам несовершеннолетних. Она устроила пожар по указке моей матери, которая хотела припугнуть одного из должников.

Моя мать.

– Где она? – резко спросила я, и по тону моего голоса отец сразу понял, что интересовалась я отнюдь не останками сестры, а главой семейства Руни. – *Где она?*

Конечно же, она не оплакивала утрату дома и не бегала лихорадочно по острову Хоторнов, требуя раскрыть правду. Еще прошлой ночью мне стало ясно: на сегодня у нее были куда более важные планы.

Отец уронил руки.

– Ты решила снова стать частью семьи?

Я отвела глаза.

– Нет.

Прошло несколько долгих минут. Он поцеловал меня в лоб и отошел.

– Так я и думал.

Это было прощание. Он любил Кэйли. И меня, возможно, тоже, но этого было недостаточно.

Я покинула дом.

В конце концов, я оказалась на берегу, где волны бились о скалы, разлетаясь в воздухе мириадами брызг. Небо прояснилось. Над водой стояла дымка, которую можно было принять за туман, не зная я о *пожаре*. Из-за нее нельзя было разглядеть даже смутные очертания острова Хоторнов.

Поиграть в поджигателей. Я зажмурилась то ли от ветра, то ли от слез и даже сама не заметила, как оказалась в океане. Сначала по лодыжки, потом по икры. И только когда волны стали биться о колени, я остановилась.

Кэйли была где-то там – живая или мертвая, – и мне нужно было к ней. Конечно, умом я понимала, что она *погибла*, я *знала* это, но никак не могла заставить себя вернуться на берег.

Пусть даже от нее осталась *горстка пепла*.

И все же мне хватило здравого смысла понять, что плыть было слишком далеко и лучше даже не пытаться. Я отправилась в бар.

Как только я открыла дверь, внутри тут же воцарилась тишина. Я перестала быть невидимкой.

Теперь я была Руни из Роквэй-Вотч, а один из членов моей семьи был *мертв*.

– Отвезите меня туда.

Все взгляды были прикованы ко мне. Я не стала повторять. И мне не пришлось долго ждать – какой-то мужчина встал со своего места.

Лодка не успела подойти и на сотню метров к острову Хоторнов, как береговая охрана развернула нас обратно. Остров все еще горел – то тут, то там вспыхивали языки пламени. С остальным справились дождь или пожарные.

Пока я смотрела на обугленные останки того, что когда-то было величественным особняком, по радиосвязи снова зазвучал голос сотрудника береговой охраны.

«Поворачивайте назад. Выживших нет. Повторяю, выживших нет».

Глава 7

«Выживших нет».

Эти слова преследовали меня всю ночь. Было ясно, что береговая охрана никого не ищет, не прочесывает воды рядом с островом в поисках Тоби Хоторна. Они решили, что он погиб.

И где-то в глубине моего сознания тихий голос нашептывал: «Жив ли он еще?»

На следующий день у меня была утренняя смена. Я переоделась в чистую форму и явилась в больницу. Под глазами у меня залегли темные круги. Старшая медсестра, увидев меня, тут же отвела в сторонку.

– Ты не обязана была сегодня приходить, Анна, – эта женщина всегда была строгой и деловой, но сейчас в ее голосе слышались мягкие нотки.

И мне сразу стало понятно, что она знает. *Знает о Кэйли.* Я не меняла свою фамилию. Так неужели все это время я обманывала себя, думая, что могу быть невидимкой, что никто в этой больнице понятия не имеет о том, что у меня за семья?

– Но мне очень нужно быть здесь, – я старалась говорить ровным голосом. – *Пожалуйста.*

– Иди домой, Анна, – и это точно не была просто вежливая просьба. – Отдохни пару недель. Я сама поговорю с твоим куратором, чтобы тебя не наказали. Так что даже не думай возвращаться сюда раньше чем через семь дней.

Я не стала спорить с ней, хоть и очень хотелось, и вышла из больницы, решив вернуться в свою квартиру, но в итоге каким-то образом оказалась у хижины Джексона. Я трижды постучала в металлическую дверь.

– Чего надо? – Для вечно мнительного Джексона это было эквивалентом вопросу: «Кто там?»

– Это я, – я не стала говорить, что мне нужно. Вероятно, потому, что сама еще не до конца понимала. Дверь наполовину приоткрылась, я проскользнула внутрь, и Джексон захлопнул ее за мной. Впервые за долгое время я вдруг обратила внимание на то, какой же он все-таки огромный. При росте в два метра рыбак возвышался надо мной – да и над всеми. Но я никогда его не боялась.

Гораздо страшнее было посмотреть ему за спину.

Сначала я увидела матрас на полу. А на матрасе лежал Тоби с перевязанной бинтами грудью. Рядом с матрасом громоздилась кипа влажных тряпок.

Значит, еще жив. Тобиас Хоторн Второй по-прежнему был жив, раз Джексон ухаживал за ним и перевязывал его в мое отсутствие.

– Достали мазь с серебром? – глухим голосом спросила я Джексона.

– Да, отрыл немного. – Я увидела на протянутой мне баночке полоски грязи и поняла, что это не просто фигура речи.

Тоби издал какой-то звук, похожий на скрип двери, – не то стон, не то скрежет.

– Вернулась все-таки, – пробурчал Джексон.

Не следовало этого делать, но я должна была убедиться, жив ли еще Тоби. Его стон не оставлял в этом никаких сомнений. Теперь можно было бы развернуться и уйти, но я не могла избавиться от ощущения, что Кэйли бы этого не хотела.

Она просто была не способна таить в себе обиды.

Я заставила себя приблизиться к человеку, чьи идиотские *игры* с огнем стоили жизни моей сестре. Все и так уже решили, что выживших нет. Если Тоби Хоторн умрет, это больше не будет ошибкой.

Впервые в жизни я почувствовала, что способна на убийство, что я действительно Руни. *Кровь за кровь*. Это было бы нетрудно. Всего-то и нужно было одной рукой зажать рот Тоби Хоторна, а второй – нос.

В его состоянии он не смог бы сопротивляться.

Я опустила на колени рядом с матрасом и с ненавистью уставилась на этого золотого мальчика, на ухоженных руках которого была кровь моей сестры. Но через мгновение я проглотила вставший в горле ком, сморгнула застилавшие глаза слезы и обернулась к Джексону:

– Мне понадобится холодная вода.

Вскоре рядом со мной уже стоял полный таз. Оставалось лишь догадываться, как Джексону удалось провести сюда водопровод. На столе я заметила стопку чистых полотенец и чемодан с медикаментами. Вооружившись марлей и полотенцами, я взялась за дело.

Опуская полотенца в холодную воду, я думала: «Я ненавижу тебя, Тобиас Хоторн Второй».

Я снимала бинты с его ран, а в голове звенела навязчивая мысль: «Я ненавижу тебя».

Я приложила полотенца к его ожогам, и его грудь приподнялась от судорожного вздоха. Я повторяла этот процесс снова и снова, а его глаза по-прежнему оставались закрытыми. Он не открыл их, когда я отвинтила крышку с мазью и стала наносить ее на его бицепсы и ключицы, на ожоги третьей степени на груди и животе.

Я ненавижу тебя.

Ненавижу тебя.

Ненавижу.

Мои прикосновения были бережными, хотя он совершенно этого не заслуживал.

Ему было больно. Это чувствовалось по напряжению в мышцах, натянувшихся под чистой кожей, окружавшей ожоги на его груди. «Хорошо, – думала я. – Так тебе и надо». И все же я с осторожностью продолжала промывать и перевязывать его раны.

А когда закончила, села дежурить у матраса, всю ночь снова и снова проверяя его, высматривая любые признаки инфекции.

– Анна, – тихо, даже как будто ласково, позвал меня Джексон.

– Даже не думайте! – огрызнулась я. *Не надо говорить мне, как сильно вы сожалеете о моей утрате. Не надо спрашивать меня, в порядке ли я.*

Джексон больше не произнес ни слова, а через час, на рассвете, ушел. Оставшись в одиночестве, я решила снова сменить повязки, гадая про себя, как бы Тоби воспринял такой поворот событий, обратил бы он это в очередную мрачную шутку?

«Наигрался в поджигателей», – злобно думала я.

И вдруг его рука перехватила мое запястье. Удивительно, но хватка Тоби оказалась довольно сильной. Его губы зашевелились. Он *что-то* говорил.

Я отцепила его пальцы и наклонилась ближе.

– *Дай...* – даже это короткое слово давалось ему с большим трудом. – *Дай...* – снова прохрипел Тоби.

Мне оставалось лишь догадываться, что он хотел у меня попросить.

– *Дай...* – сдавленно произнес он в третий раз. – *Мне,* – у меня перехватило дыхание, – *умереть.*

Внутри меня заклокотала ярость, свирепая, неистовая. Моя сестра была мертва, а ему хватало наглости просить *меня* позволить ему умереть?!

Я наклонилась еще ниже и зашептала ему на ухо, а потом вернулась к аккуратной перевязке его ран, надеясь, что каждое мое слово будет эхом отдаваться даже в самом дальнем уголке сознания этого мерзкого Хоторна.

«Ты не заслуживаешь даже смерти, ублюдок».

Глава 8

Уже три дня я оставалась у Джексона – ведь мне все равно нечем было заняться и некуда было пойти. Я делала своему пациенту перевязки, давала ему таблетки, проверяла его пульс и дыхание – все то, что было *в моих силах*. Я собиралась уйти, как только закончится мой вынужденный недельный отпуск в больнице, а пока приходилось просто выжидать.

В кармане униформы нашелся лист бумаги. Я складывала и раскладывала его всевозможными способами. Решение уже было принято: Тоби Хоторн будет жить, даже если мне придется вырывать его из цепких лап смерти. Он будет *жить* – жить с тем, что натворил.

– Поспала бы немного, – Джексон пытался говорить со мной хотя бы пару раз в день.

– Мне не нужен сон, – ответила я. С тех пор как я ступила на этот проклятый путь, мне удалось поспать всего несколько часов, и то урывками. Джексон кормил меня, несомненно, теми продуктами, которые я купила ему.

– Твое тело рано или поздно может дать сбой, малышка Анна.

Кто бы мог подумать, что отшельник, отгоняющий людей от заброшенного маяка выстрелами в воздух, окажется настоящей курицей-наседкой?

– С моим телом все в порядке.

– В отличие от моего, – раздался со стороны матраса грубый голос, похожий на скрежет наждачной бумаги.

Мы с Джексонсом застыли в удивлении. Я первой пришла в себя.

– Очнулся.

– К сожалению, да. – Тоби Хоторну хватило ума не пытаться принять сидячее положение, глаза его оставались закрытыми. – И если сама не хочешь спать, – продолжил он, и заносчивости в его голосе было не меньше, чем боли, – то, может быть, заткнешься?

И я точно снова оказалась в баре, а он нахально улыбался мне, прислонившись к бильярдному столу, и его стакан опасно нависал над самым краем бортика.

Стиснув зубы, я прошла через комнату и начала проверять его жизненные показатели.
Сначала пульс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.